
Виктор
Сенин

ЯВОРЫ НА ВЕТРУ

**Виктор
Сенин**

ЯВОРЫ НА ВЕТРУ

ПОВЕСТИ

Советский писатель
Ленинградское отделение
1986

Художник Лариса Коломейцева

Сенин В.

С 31 Яворы на ветру: Повести. — Л.: Сов. писатель, 1986. — 360 с.

Книга повествует о людях, нашедших свое призвание в жизни. Герои В. Сенина добывают нефть, рыбачат, пасут оленье стада, работают на земле и оберегают морские просторы страны.

Автор размышляет об ответственности человека за свое дело, о любви и долге.

С $\frac{4702010200-013}{083(02)-86}$ 137—86

ББК 84.Р7

За северным сиянием

1

Остроносая лодка легко преодолевает течение. Мотор работает в полную силу, шум его мешает разговору с моим попутчиком — худощавым бородачом лет тридцати. Да, за сутки, что мы находимся в дороге, многое переспрошено о местах, столь отдаленных и безлюдных, как верховье Печоры. Сажу на носу лодки, смотрю по сторонам, любуюсь красотой дикого края. Сосет глаза зелень глухой, нехоженной пармы: не час и не два движемся по реке, а жилья пока не видели, тайга на сотни километров, девственная природа. Оказавшись в непотревоженном царстве ее, замираешь в изумлении, поражаешься величию и богатству.

Жаркий июльский день клонится к вечеру. Ни ветерка, ни птичьего гомона. Тени вытянулись, упали на реку, отяжелевшая вода утратила хрустальную прозрачность и недвижима, словно застывшее бутылочное стекло. Волны, отваливаясь от бортов лодки, не играют больше бликами, а катятся мягко, морща зеркальную поверхность, размазывая повторение леса и неба, и ты поднимаешь голову, чтобы удостовериться, что то лишь видение, а сам лес стоит в благоговейном молчании.

Высокий и обрывистый берег освещен солнцем. По крутизне, цепляясь корнями, упрямо карабкаются ели да пихты, голенастые березки. Печора — река своенравная, на месте не стоит, она упрямо подтачивает крутой материковый откос, отвоеывая у него метр за метром. Не удержавшись, некоторые деревья лежат, опрокинутые

навзничь, окунув густые вершины в чистые струи. Одни продолжают жить, и ветви их зеленеют, прячутся под ними стайки хариусов. Другие умерли — сучья выбелены, торчат остриями, представляя немалую опасность для путешествующего. Зазевался, не рассчитал, и течение бросит лодку на преграду, вмиг опрокинет со всем скарбом. Или так засядет челн среди сучьев, что никакими силами не вырвать его. Хорошо, коль топор под рукой, а нет — высвобождайся из плена как сможешь.

Подступает к обрыву парма, нависает стеной, с вековыми пихтами да лиственницами, мохнатыми елями на увалах. словно неусыпные стражи вечного покоя стоят величественные кедры. Иным три, а то и пять веков. Никто не тревожит их. Разве зоркая птица пиршук (так называют здесь кедровку) поднимет крик, предупреждая лесных обитателей о хозяине тайги медведе или выбредшем на водопой сохатом.

Мы приближались к излучине. Взглянул на зеленые холмы впереди. Удивило: многие деревья на склонах стоят усохшие, хвоя на них порыжела, но пока не осыпалась. Собрался спросить Мосина, что могло погубить лес, и замер. На глазах сосняк обрел медно-красный отлив. Макушки медленно занялись огнем, ветви и кроны вдруг засветились горячим блеском расплавленного золота. Казалось, еще чуть-чуть — и взметнется пламя. Я даже растерялся — уж не пожар ли и впрямь. Не зная, как объяснить происходящее, повернулся к Мосину, он, как и прежде, сидел на руле, следя за фарватером и высвистывая какой-то мотив, — река ему знакома до последнего переката.

— Что это? — крикнул я, указывая на полыхавшие жаром деревья.

— Лиственницы горят! — перекрывая стук мотора, ответил Борис и улыбнулся. — Солнце садится!

Я оглянулся. Большое раскаленное светило опускалось за лес. В его лучах и сияли лиственницы. Не мог оторвать взора от поразившего меня зрелища природы. Но вот буйство красок ослабело, золотой расплав угас до бронзового и тихо сник, слившись с зеленой массой тайги. Подумалось: наверно, не только за богатства, но и за столь дивную красоту коми называют берега Печоры золотыми. И долго еще находился под впечатлением виденного.

В сутолоке будней, постоянных служебных забот некогда любоваться красотой окрестных мест, не хватает

времени посидеть вечером у реки и дожждаться поры, когда в низинах начнет зарождаться туман, издали напоминая маленькие озера. Обедняем душу, черствеем, но вдруг проснешься среди ночи в городской квартире от шума дождя или старых лип, и так неодолимо потянет тебя в дорогу, что ощутишь и запах пыли в конце душного дня, и прохладную свежесть росы на восходе солнца...

Говорят, на земле нет больше белых пятен, но есть неизведанные для каждого места. На Печору меня завлекли рассказы тех, кто побывал уже на ней. Многие поведал о крае знаток древнерусских рукописных книг, ныне покойный профессор Владимир Иванович Малышев. Скромный и застенчивый по натуре, он обошел Север, открыл многие памятники древней русской письменности, с учениками и энтузиастами собрал воедино библиотеки крестьян Мерзлых, Нямдиных. И многое было обнаружено в Архангельской области да на Печоре. Именно в эти глухие углы, к зырянам, бежали когда-то от царской немилости раскольники. Сюда добирались вольные новгородские люди, скупали пшеницу да красную рыбу, ставили избы посолонь — окнами к солнцу.

Владимир Иванович все расхваливал старинное село Усть-Цильму.

— Село немалое, — говорил незадолго до кончины, — из конца в конец и за полчаса не пройдешь. Четыре с лишним века ему. Песни там поют старинные русские, каких нигде более и не услышишь. Перед сенокосом «горки» играют. Вот, брат, красота! «Горка» — это северный русский хоровод. Из глубины столетий сохранился. Я вот не могу поглядеть, а ты молодой, чего в душном городе сиднем-то сидишь? На самолет — и до Троицко-Печорска, а дальше по реке...

Подлил масла в огонь художник Энгельс Козлов. Он родился на Печоре, там и школу окончил, а затем переехал в Ленинград, где получил диплом живописца, мастерскую, обзавелся семьей. Но и поныне не порывает с отчим краем. Иногда один, а то с женой, тоже художницей, укатит вдруг в глубь лесов. Знают Козлова и печорские рыбаки, и буровики Колвы. На его полотнах увидел я впервые красоту северной природы: неяркое небо, сверкающую серебром реку, зароды на лугах.

Козлов показывал привезенные работы с прилипшим к краске комарьем. Показывал да нахваливал:

— На тоню сходишь, семужки отведаешь да харю-

за, — так и говорил: харюза. Позже я убедился, что на всей реке нежного хариуса так и называют. — Тайгу познаешь. Тут рядом ведь: до Сыктывкара на «Ту», а дальше «Ан-2» летает.

Прихрамывая (старая болезнь донимает его, не оставляет в покое), расхаживал по мастерской и говорил о морошке — мол, ягоды этой в тех местах видимо-невидимо, а брать некому, зверь да птица и лакомятся. Говорил о тетеревиных токах среди чистых березняков, куда до восьмидесяти петухов слетаются.

И добился своего: собрал я походный чемодан, купил в аэропорту билет на самолет, в Сыктывкаре сделал пересадку — и вот я здесь, на Печоре, за десятки километров от человеческого жилья. Больше суток миновало, как вышли мы из Якши, небольшого поселка на границе Печоро-Илычского заповедника. Река прекрасна сама по себе, есть в ней поэзия и размах, чувствуется скрытая сила, легко представить, как умножается она в пору дождей. Мне хочется познать Печору, но для этого надо жить вместе с рекой, пройти до истоков. Потому и добираюсь на кордоны, в верховье — места заповедные, охраняемые государством и труднодоступные, куда попасть можно разве на вертолете. Не так много осталось их на земле, уголков, не потревоженных бездумно холодной рукой, в погоне за сиюминутным.

В Якшу прилетели к полудню. Тихоход «Ан-2» плюхнулся на песчаное поле и, подняв облако рыжеватой пыли, подкатил к вагончику аэродромной службы. Пассажиры оживились, радуясь, что конец изнурительной болтанке, подхватывали сумки да сетки с капустой, огурцами, апельсинами и торопились к выходу.

На краю поля ожидал автобус. К нему и спешили. В машине задние сиденья заняла детвора, примчавшаяся первой. Губы у всех темно-фиолетовые от черники.

— Много ягод нынче? — поинтересовалась одна из женщин.

— Много! — в голос ответили дети. — Смотрите! — И показывают полные лукошки. — Это мы пока самолет ждали!

— Пора варенье варить, — сказала полногрудая соседка в ситцевом платье.

Дребезжа на ухабинах, автобус покатил по дороге, обочины которой густо заросли иван-чаем. Ветерок доно-

сил запах разогретой живицы. За деревьями мелькнули постройки. Остановились возле магазина.

Разузнал у шофера, как пройти в контору заповедника.

— На другой берег тебе. Шагай к реке, там перевезут. По тропинке ступай, она выведет.

Непривязанные лайки провожают меня умными глазами — ни одна не взлаяла. У берега выстроились лодки, длинные и узкие, с моторами все, и ни одной живой души. Делать нечего, сажусь на камень, глазею на ту сторону, где расположена усадьба заповедника: контора с высокой мачтой телеантенны, а поодаль — рубленые двухэтажные дома, старые купеческие амбары. Не лишённые строгой выразительности, амбары покоятся на сваях. Те, что поменьше, издали напоминают избушки на курьих ножках. Дома непривычные — большие, с множеством окон. На лужайке и возле конторы растут густые ветвистые кедр. Один на самом берегу. Под его сенью лавочка.

О Якше мне известно многое из старых книг. В прошлом веке пролегал здесь чердынский тракт. Следы пристани сохранились, почерневшие амбары — тоже память минувшего. Богатые чердынские купцы проникли сюда в XVIII столетии и вплоть до революции пользовались правом полной торговли, обирали доверчивых зырян. Речками да волоком добирались до Якши, перегружали товары на барки и каюки, спускались до Куи и Никитц. Отправлялись с Печоры рыбу, икру красную, пушнину, кедровый орех. В иной год до 1500 пудов брали ореха этого. И золотишком промышляли. Путь купцов с верховий Камы шел реками Колвой, Вишеркой, Чусовским озером, речками Березовкой и Вогулкой, далее сухопутным волоком и, наконец, рекой Волосницей.

Другую торговую дорогу пытался открыть промышленник А. М. Сибиряков. Он проложил стовосьмидесятикилометровый тракт от реки Ляпин, притока Северной Сосьвы, до деревни Усть-Щугор на Печоре. Маршрут этот и ныне знают, путь сохранился и представляет собой широкую просеку с гатями через болота.

От раздумий отвлек стук о борт лодки. Неподалеку хлопотал среднего роста мужчина, в штормовке с множеством карманов, сапогах-броднях. Аккуратная борода не скрадывала молодости, доброты натуры.

— Не перевезете?

Хозяин лодки посмотрел и ответил согласием. Не спросив, кто я и откуда. Вроде как само собой разумею-

шееся. Позже уяснил: выпрашивать на Печоре не принято. Сочтешь нужным, сам поведаешь о себе, а промолчал — значит, так надобно.

Собеседник рванул за шнур, мотор взревел и, словно поперхнувшись водой, перешел на ровные обороты, длинная лодка шукой скользнула вперед.

Так я познакомился с Борисом Мосиным, лесничим кордона Собинская. Метров за двадцать от берега Мосин выключил «Вихрь», лодка по инерции преодолела расстояние, нос ее с тихим шуршанием выполз на песок.

— Вещи можете оставить, — сказал Борис. — Потом возьмете.

По деревянным ступеням поднялись к дому. На крыльце сидел мужчина лет сорока — сорока пяти, загорелый и крепкий, в солдатских штанах, рубаха навывпуск. Рядом на табурете стоял большой эмалированный таз с хариусами. Рыбу только поймали, она отливала серебром, и лишь плавники были нежно-фиолетового цвета.

— Корнелий Оттович, принимай гостя, — сказал Мосин. И, повернувшись ко мне, добавил: — Директор заповедника Мегалинский. Знакомьтесь.

Хозяин пригласил в дом. Навстречу вышла миловидная черноглазая жена Мегалинского.

— К обеду как раз, — улыбаясь, сказала хозяйка.

Однако сесть за стол не успели. К дому подкатил грузовик, звякнула в сенях щеколда, дверь распахнулась, и в комнату быстро вошел низенький коренастый парень.

— Корнелий Оттович, видели бандюгу! На болоте появился, но мы отогнали. Здоровый, чертяка!

— Медведи у нас водятся. Сейчас у них пора свадеб, да вот незадача: вчера возле болота обнаружили труп одного. Соперник загрыз. Убил, а затем внутренности сожрал и заднюю ногу отъел. Каннибала нельзя оставлять в лесу, наделает лиха. Вы поскучайте тут...

Мегалинский снял с гвоздя винтовку с оптическим прицелом, из выдвинутого ящика взял горсть патронов и ушел с шофером машины.

— Случай, когда медведь поедает медведя, редки, — пояснил Мосин, — но такое бывает. За годы, что я работаю в заповеднике, — это второй. Каннибал опасен: не то что на скотину — на человека напасть может.

— Заповедник большой по площади?

— Заповедник? — Борис шагнул к шкафу с книгами, достал одну. — Здесь все сказано.

Я держал в руках десятый выпуск Печоро-Илычского заповедника. Из кр геоботанических районов узнал, что охранный территория находится на границе Европы и Азии, площадь свыше семисот тысяч гектаров. Восточная граница протекает в пределах Уральских гор. С юга, запада и севера леса огибает Печора, приток ее Илыч и приток Илыча — речка Кожим. Болотистая низменность постепенно переходит в густые дебри ели, пихты да лиственницы с завалами и буреломами — парму. На юго-востоке от пармы тянутся сосновые боры — беломошники, встречаются кедрачи. Вольно живет здесь птица и зверь. Встретишь не только лося, но и оленей, водятся волки, соболь и куница; по тихим речкам селятся бобры. Забрался сюда и енот.

— Паскуднее твари, чем енот, не видавали, — нарушает молчание Мосин. — Мех, верно, хорош, но повадки... На суше и на воде от него не укрыться птице. Особенно разоряет утиные гнездовья. На любой островок переплывет. Не лиса, которая воды сторонится. Ну, да ладно... Вы-то в Якше надумали остановиться? Или куда дальше метите? На кордон бы вам. Якша что — поселок.

Вошла хозяйка, прислушалась к беседе, живо откликнулась:

— Борис, ты бы свез корреспондента! Когда еще возможность представится. Моему благоверному не выбраться — лосеферму новую строить начали, лабораторный корпус...

Мосин улыбнулся:

— Помощник в пути сгодится. Печора в верхах обмелела, на перекатах шестом отталкиваться надо. Приходилось шестом управляться?

— Да нет...

— Научим. Куда деваться? Тайга кругом.

Он относился ко мне, городскому жителю, снисходительно. Я понимал и не обижался. Мосин в этих местах жил, знал реку, трудности, о которых я и представления не имел.

К вечеру возвратились охотники. Открыли борт машины и принялись сгружать убитого медведя. Зверь был красив, с густой темно-бурой шерстью. Набежала детвора: трогали зверя за уши, поднимали когтистые лапы, осмелев, открывали пасть. Тушу уложили на две толстые жерди, получилось вроде носилок. Так и перетащили медведя в ледник.

— Чучело сделаю для музея, — сказал Мегалинский. — Музей у нас интересный, любопытные трофеи имеются. Теперь и хозяин тайги появится. В прошлую зиму волка с охоты привез. Развелось их тут...

Стали припоминать случаи разные из охотничьей жизни, да хозяйка позвала к столу. Мы, правда, с Мосиным уже подкрепились, но сели за компанию. Дымились в тарелках наваристая уха, а посередине стола красовалась большая сковорода с жареными хариусами.

За едой Мегалинский повел речь о моем устройстве, но жена остановила его, — мол, вопрос решенный.

— Едет гость в Собинскую!

— И правильно! В Якшу всегда успеете, а туда добраться не часто выпадает и нам случай. Путь не близкий, считай, двести километров. Гляди, и до Шежима доберетесь. К Поликарпу Лызлову. Занятный старик: лес знает, травы разные. За золотым корнем, возможно, сходите... Одежда у вас для реки припасена?

— Джинсы, свитер. Пиджак кожаный.

— А ватник и сапоги?

— Июнь ведь, в рубашке жарко. Какой уж тут ватник...

— Жена, бушлат мой армейский достань, сапоги по ноге подбери.

— С заходом солнца и отправимся, — сказал Мосин.

Надо было купить в дорогу чего-нибудь из еды, но я не знал что. Обратился за советом к хозяйке. Галина Николаевна улыбнулась:

— Ничего не требуется. Река прокормит.

Вечером я был в полном снаряжении: рыбацкие сапоги, свитер, вязаная шапочка на голове. Бушлат не надел — теплынь. С берега принесли несколько баков с горючим и канистру вдобавок. Мосин уложил все на дно лодки. К нам села еще девушка. С Мосиным она была знакома, а по тому, как обменивались взглядами, догадался, что между ними существует какая-то связь, возможно даже влюблены, но при постороннем старались не выдавать чувств.

— Счастливой дороги! — пожелали нам с берега.

Лодка легко вышла на середину реки, Мосин прибавил обороты мотора, домик директора отдалился и вскоре пропал за кромкой леса. Километрах в пяти Борис повернул к берегу.

— Сойду здесь, — сказала девушка. — Прощевайте.

— Деревушка ваша за деревьями?

- Нет поблизости жилья. Лес и лес.
- Куда же вы в такой час?
- За белкой, — ответила девушка.
- За белкой?
- Да. — И засмеялась: — Одну, а поймаю.

Подумал, что разыгрывает, и не стал надоедать расспросами. Когда высадили девушку, Мосин пояснил:

— Ловушки у нее в лесу расставлены. Проверить надо, а то зверек попадется и погибнет за ночь.

— А обратно как доберется?

— Обычно: по тропке!

Прекрасно плыть теплой белой ночью по реке: тишина, лес таинственный, воздух чистый, на хвое настоящий, дышится легко и спать не хочется. У берега поднимается из воды нежно-зеленый хвощ. К утру повеяло прохладой. Пригодился бушлат. Укрылся им, в полудреме слышу сквозь шум мотора голос Мосина — поет.

И вот вторая ночь догнала нас в пути. Днем, правда, сделали небольшой привал. На берегу разложили костерок, сварили уху: Мосин поймал на «мушку» несколько хариусов. Вскипятили чай. Не пил никогда такого вкусного и ароматного, а заварка простая — веточки смородины да зверобоя, пучок таволги и мяты. Все под рукой — сорви только.

Отдохнули — и снова в путь.

— Через десять километров остановка! — кричит на сей раз Мосин. — В охотничьей избушке заночуем!

Как тут определиться, думаю, десять или двенадцать километров проплывем: ни столбика тебе, ни указателя. Видимо, знает Борис приметы. Ходко идет наше суденышко и на быстрине послушно рулю. Мотор ни разу сбоя не дал. Поднялись на крыло вспугнутые утки, пролетели у самой воды и упали, спрятались в зарослях белокопытника.

Мосин указывает на берег. Смотрю в ту сторону, замечаю на пихте зарубку. Сворачиваем в затон, выключаем мотор и окунаемся в звенящую тишину. Река, лес и небо словно застыли в восторженном молчании, поддаешься и сам колдовству белой ночи. Вытянув шею, прислушиваешься, силясь уловить хотя бы звук, но лишь ток крови в висках и шум в ушах, похожий на стрекотанье кузнечиков в июльский полдень.

— Поднимайся на увал и держи прямо.

Ступаю в теплый бор, усталый белым мхом. Сосны растут поодаль одна от другой, ровные, как свечи, медноствольные. В просвете за деревьями замечаю избушку. Подхожу ближе: постройка в рост человека, дверь подперта колом, рядом поленница сухих дров. Вокруг избушки, метрах в шести от нее, чернеет широкая полоса вскопанной земли.

— Огонь не перекинется на лес, — говорит за спиной Мосин. — Мера предосторожности. Лампу вздуй и воды в чайник набери из родника. Он за избой, по журчанию определишь.

Вхожу в избу; чиркнув спичкой, замечаю на столе керосиновую восьмилитровую лампу. Снимаю стекло, зажигаю фитиль. При свете осматриваю жилище: печка, рядом с ней широкие нары. На столе — соль, коробок спичек, чай и сахар. Под потолком подвешено пшено, несколько пакетов концентратов: суп гороховый и с рисом.

И вот уже весело постреливают в печке дрова, греется большой закопченный чайник. Мосин открыл банку с фаршированным перцем, пачку печени достал.

— Избу поставили осенью, — говорит. — Зимой хорошо. Есть где погреться.

— Чужой вдруг набредет?

— Не набредет.

— Из местных кто созорует?

— Своих людей мы знаем. Человека в тайге легко понять. Достаточно с ним вместе охотничью избу срубить, сеть с рыбой вытащить или на охоту разок отправиться. Это в городе пуд соли съесть надо.

Позже дошел до меня истинный смысл сказанного. Речь о том впереди, а пока мы наслаждались ароматным крепким чаем, беседовали о житье-бытье. Оказалось, Мосин ленинградец. На Охте живет у него мать. Сам он закончил Лесотехническую академию, несколько лет работал в леспромхозе, а затем перебрался на кордон. И доволен.

— Нет суеты и дрязг. Река да лес. Плохо поступишь — себе же убыток.

Видимо, где-то обидели его несправедливо, ранили больно, вот и уехал Мосин сюда, прикипел сердцем.

— Скучаю ли по дому? Так у меня отпуск имеется. Могу и отпроситься на день-другой. Денег достаточно: билет покупай на самолет и через несколько часов ты на Невском. Только не тянет цивилизация. Шум, гам-тарарам... Глохну и задыхаюсь. Ладно, поставим точку.

Вопрос, как говорят, спорный. Однако такой тишины, как у нас здесь, ты больше не встретишь. Потом помянешь, в городской квартире.

Проговорили до утра. Не спали, а усталости не ощущаешь.

— Воздух такой, — то ли шутит, то ли правду говорит Борис.

Перед уходом он оставляет на столе пачку чая, сахар, спички — для того, кто после нас сюда наведается. Может, промокший под дождем, усталый.

Спускаемся к реке. От воды веет прохладой, и тело начинает бить озноб. Хорошо, что под рукой бушлат. Оказывается, и в летнюю пору ночи на Печоре холодные, овчинный тулуп и шапка — не помеха.

— Через два часа будем в Курье, — говорит Борис. — Деревня так называется. Остановимся, позавтракаем.

То лентой стелется тихая река, то вдруг изогнется дугой и затеряется в чаще. Выплыли избы на высоком берегу. Ни души возле домов, спят люди.

— Горелое! — кричит Мосин. — Несколько семей живет!

Одинокий рыбак спустился к лодкам, бросил сеть, посмотрел нам вслед — мол, что за странники в такую рань объявились, и занялся мотором. На другой стороне реки — луг, пасутся на нем лошади.

Поднялось из-за леса солнышко, заиграла река на перекатах, стала прозрачной, галька на дне виднеется, валуны, стайки хариусов гуляют.

— Семга! — крикнул Мосин и вскочил с сиденья.

Увидел и я большую рыбу: темное ее тело тенью скользнуло от лодки на глубину.

Вода в реке чистая, родниковой свежести, у носа лодки она поднимается бугром, и кажется, что дно рядом, того и гляди коснемся его. Но это обманчиво: до дна два метра, а на ямах глубина достигает шести метров и больше. В таких ямах и хоронится в знойный день семга. Пока ее мало, а вот пойдет на нерест, и закипит мелководье. Главные нерестилища семги — участок Печоры от Курьи до Собинской. И далее — до Шайтановки.

Лодка вдруг шаркает с разбега днищем, мотор захлебывается и срывается на полные обороты.

— Бери шест! — кричит Мосин.

Подхватываю вырубленную заранее жердь, упираюсь в дно, отталкиваюсь. Опыта, конечно, никакого, лодку разворачивает бортом, сносит. Пробую исправить поло-

жение и едва не срываюсь вслед за шестом. Мосин соскакивает в воду. Глубина до колен. Прыгаю и я, бреду к носу. Течение сильное, с непривычки шагать по воде трудно.

— Поворачивай к берегу! Шпонку сорвало!

Вот оно что: винт врезался в грунт, под нагрузкой срезало шпонку, которая связывала его с валом. Потому и взревел мотор на холостых оборотах. Борис достал из ящика с инструментом толстый гвоздь, забил его в отверстие обухом топора, а концы загнул в разные стороны. И снова застучал «Вихрь», забурлила за кормой вода.

Курья — деревня большая. Избы добротные, огороды, обнесенные заборами. Улица широкая, мощенная по краям досками. Идешь, и поскрипывают они, как половицы. Магазин еще закрыт. На крыльце ожидают две девушки: облокотились на перильца и грызут кедровые орешки. Прихватили из дому шишки, шелушат и по орешку отправляют в рот, лузгая, как семечки. Дабы не запачкать смолой руки, шишки варят в воде, бросают еще пучок травы. Смола сходит, а сама шишка приобретает нежный розовато-фиолетовый цвет. Детей тоже увидишь за таким занятием, любят лакомиться. Насшибают шишек, принесут домой, в кипятке подержат и щелкают орехи друг перед дружкой.

Мосин ведет меня к местному леснику. Зашли во двор. Встретил хозяин, поздоровался чинно, в избу пригласил. В чистой половине прибрано, на стенах фотографии семейные. В боковой светелке кровать никелированная с горой подушек.

— Дочкина комната, — сказала хозяйка, ступая бесшумно. — Учится в педагогическом, в Сыктывкаре. На каникулы вот-вот должна приехать.

— Травы хороши у вас? — спросил Мосина лесник.

— Косить начали.

— Приеду, может? Разрешение получу.

— Приезжай, конечно.

Сели к столу. Хозяйка угостила яичницей, нарезала семги. Мясо нежное, жирное, во рту тает.

— Попробуйте рыбки печорского засола, — говорит женщина и ставит на стол эмалированную миску, полную плотвичек да хариуса. Но душок такой, что непривычному человеку трудно проглотить даже кусочек. Мосин ест в охотку. Пробую и я, чтоб не оконфузиться, но тут же откладываю рыбку. Ну и дух...

Павел Григорьевич заметил, улыбнулся

— Не нравится? А мы любим. Не запах ценен — рыба. Привыкнуть надо. Да и не ешьте. Семужку берите, берите.

Поблагодарили хозяев за угощение и снова в дорогу. Павел Григорьевич проводил нас до магазина. Купили мы две трехлитровые банки сока яблочного, масла сливочного килограмма три, печенья ящик, мыла хозяйственного несколько кусков да курева. Снесли в лодку.

— Ну, бывайте, — говорит Павел Григорьевич. — На днях наведаюсь.

На шестах выплыли из протоки, завели «Вихрь». Все чаще встречаем перекаты. Где подтолкну, а где и соскочу в воду и тащу лодку за нос, пока не выберемся на глубокое место. И снова скользит наша печорка, дробится на хрустальные брызги вода.

В полдень миновали Усть-Унью, деревню дворов на сорок. Избы разбежались по крутому косогору, заборы. И ни одного деревца. Только у дороги, что спускается к реке, стоит могучий кедр. Издали он похож на дуб, какие увидишь в средней полосе России.

К вечеру забелел на откосе щит. Поравнялись с ним, и ясно проступили слова: «Кордон «Собинская».

— Вот мы и дома! — говорит Борис.

За излучиной показались крыши. Свернули в тихую заводь. Мосин выключил мотор. Лодка ткнулась в песок. Подошел парень лет двадцати пяти, с выгоревшим на солнце чубом. Поздоровался и принялся помогать нам.

— А говорили, что Мегалинский едет. Обознались, выходит.

— Корреспондента приняли за директора.

Я плыл по реке в одежде директора заповедника. Люди замечали знакомый бушлат, красную шапочку и полагали, что в лодке Мегалинский. Весть о том достигла Собинской раньше, нежели туда прибыли мы. Вот тебе и тайга: глаза и уши на реке имеются, чужому человеку трудно проскочить,

Ласковое солнечное утро. Не шевельнется на дереве лист. За рекой кукует кукушка, чистый голос словно из поднебесья. Вспомнил поверье, в детские годы мы часто кричали: «Кукушка, кукушка, сколько мне жить?» — и отсчитывали столько, до сколько каждый умел считать, сбивались и начинали счет заново. «Кукушка, кукушка...»

Ку-ку, ку-ку...

С полотенцем через плечо спускаюсь к воде. Становлюсь босыми ногами на камни. Метнулась в сторону стайка голянов. Рыбки возвращаются, подплывают ближе к пальцам, касаются их. Комары не досаждают, зато жалят слепни. Глядь, впился какой-нибудь, и вздувается на том месте волдырь, свербит нестерпимо.

Собинская — три избы на широкой лужайке, баня да ледничок. Кроме Мосина живут здесь лесотехник Евгений Сапожников (он и встретил нас вчера), еще лесник-наблюдатель Александр Федорович Лызлов с супругой Галиной Ивановной. Лызловы — фамилия на Печоре распространенная, как Ивановы в русских селениях. На кордоне пять собак, из породы лаек. Их держат для охоты. У Лызловых корова и десять овец. Есть гнедой мерин по кличке Казбек. Впрягают его зимой, когда замерзнет река и откроется санный путь. Сейчас Казбек свободно нагуливает жирок, спина его лоснится. В десяти километрах, на Серапионовой курье, обитает лесник-наблюдатель. В хозяйстве у него лошадь. Кобыла приходит сюда и уводит Казбека. После я не раз видел их то пасущихся на лугу, то в лесу, куда загонял зной. Стоят в тени, положив головы друг дружке на спины, и обмахиваются хвостами.

Борис из лесу возвратился, во дворе костерок разложил, чай греет.

— Как спалось на новом месте? — спрашивает. — Комарье не укусило? А то располагайся на сеновале, там у меня полог.

Полог — вроде палатки. Только из марли. Концы длинные, под матрац убираются. Человек выгонит насекомых, закрывается со всех сторон и спит. Навешивается полог и в избах. Не знал того еще, зашел в один дом, смотрю: на койках марлевые навесы, как на детской зыбке. Думал, и впрямь дети отдыхают. На сеновале у Бориса тоже уголок марлей обтянут, внутри матрац под простыней, подушка. На случай, если днем выпадет вздремнуть. Мне полог без надобности. В комнате прохладно, комары не беспокоят.

— Проснулся, а тебя и след простыл, — говорю Мосину.

— Привычка. В этих местах люди рано встают. Летом особенно. Только на рассвете можно увидеть зверюшек да птиц, когда они кормятся. Днем какой интерес? Все живое в тень запряталось.